

Д. В. Бубрих. Основные проблемы и актуальные задачи языковедения (тезисы)

Источник: Российский государственный архив литературы и искусства, фонд 279, опись 2, ед. хр. 319

Подготовка к публикации Г. В. Гордиенко
(грант РНФ № 16-18-02042)

<обложка дела>

<Прямоугольная печать в верхнем правом углу:>
Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
Фонд №279, опись №2, ед. хр. №319

Луначарский Анатолий Васильевич

Письмо Бубриха [Дмитрия Владимировича] Луначарскому А. В.
Приложен доклад «Основные проблемы и актуальные задачи языковедения», тезисы.
Машинопись.

Крайние даты: 25 августа 1930 года
Количество документов:
Количество листов: 36 л.

реставрация

<л. 1; рукописный текст>

Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич!

Посылаю Вам копию тезисов, направленных недавно (в начале июля) в Академию Наук СССР и в Комакадемию. В тезисах я вооружаюсь и против традиционного языковедения (признавая его фактические достижения), и против яфетического языковедения (признавая его лозунги). В противовес я выставляю ряд новых положений.

Борьба предстоит жестокая.

С традиционным языковедением мне предстоит столкнуться на лингвистическом конгрессе в Женеве осенью 1931 г.

С яфетическим языковедением борьба уже начинается.

Д. В. Бубрих

*Ленинград, Лахтинская 19, кв. 3
25.XIII.30*

<л. 1а; машинопись с нумерацией страниц>

Д. В. Бубрих
Основные проблемы
и актуальные задачи языковедения
(тезисы)

Проблема природы речи

Традиционное языковедение

1. Традиционное языковедение предлагает множество высказываний по вопросам природы речи. Преобладает психологический подход, для нас неприемлемый.

Яфетическое языковедение

2. Яфетическое языковедение не предлагает никаких определенных высказываний по вопросам природы речи: нет твердого определения речи, нет твердых определений предложения, слова, фонемы и т. д.

Новые возможности

3. Что такое речь? Для определения этого явления надо предварительно познакомиться с явлением, именуемым коммуникацией. Коммуникация — сообщение любого одного члена (любых одних членов) определенного коллектива любому другому члену (любым другим членам) того же коллектива знаками, выработанными в том же коллективе, о тех или иных явлениях. Есть два вида коммуникации: коммуникация инклюзивная и коммуникация эксклюзивная. Коммуникация инклюзивная или сигнализация — коммуникация, где временно/1а//2/-пространственные даты содержания коммуникации совпадают (без абсолютной точности) с временно-пространственными датами акта коммуникации. Пример. Сигнализация об опасности — непременно сигнализация об опасности настоящего момента, близкой, прямо угрожающей. Если бы кому-либо вздумалось сигнализировать об опасности прошлого года или далекой долины на юге, сигнализация была бы понята превратно, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Коммуникация эксклюзивная или речь — коммуникация, где временно-пространственные даты содержания коммуникации находятся в свободном отношении к временно-пространственным датам акта коммуникации. Пример. Речь об опасности — речь об опасности либо настоящего момента, либо прошлого года, либо будущего года, либо данной долины, либо далекой долины на юге, либо далекой долины на севере. Указание на временно-пространственные даты содержания дается либо в самой речи, либо в обстановке речи.

4. Что такое предложение, слово, фонема — эти единицы звуковой речи? Я. В. Лоя¹ строит определение этих явлений следующим образом. В

звуковой речи наших дней есть три плана явлений: план коммуникативности, план значимости и план звучания. Примеры. «Солнце зашло». Здесь налицо коммуникативность (здесь нечто сообщается), а вместе с нею значимость и звучание. «Солнце». Здесь нет коммуникативности (здесь ничего не сообщается, если конечно, в дело не вмешивается особая сообщающая интонация), но налицо значимость, и вместе с нею, звучание. /2//3/ «С». Здесь нет ни коммуникации (здесь ничего не сообщается), ни значимости, но налицо звучание. Коммуникативная единица является предложением. Значимая единица, социально отработанная как единица, является словом. Звучащая единица, социально отработанная как единица, является фонемой. Предложение всегда включает в себя слова, от одного до неопределенного предела. Слово всегда включает в себя фонемы — от одной до неопределенного предела. С другой стороны: слово всегда (кроме случаев искусственного изолирования) включается в предложение, и в этом смысле оно причастно к коммуникативности. Точно так же: фонема всегда (кроме случаев искусственного изолирования) включается в слово и в этом смысле она причастна к значимости.

Проблема возникновения речи

Традиционное языковедение

5. Традиционное языковедение сторонится проблем возникновения речи.

Яфетическое языковедение

6. Яфетическое языковедение создало свою теорию возникновения речи. По Н. Я. Марру, «Яфетическая теория»ⁱⁱ, эта теория выступает в следующих очертаниях. Дело началось с кинетической речи. Начало звуковой речи относится к сравнительно позднему времени. Источник ее — «труд-магическое» действие, попытка /3//4/ организованного воздействия на внешний мир. Это труд-магическое действие сложилось в среде магов. Основное значение всех актов, входивших в его состав, — главная таинственная сила магии, тотем и покровитель творящей его человеческой группы, впоследствии тотем времени, бог — сверхъестественная рука (Яф.т., 106 и др.). Среди актов, входящих в его состав, выделяются четыре артикуляционно сложенных и по значению друг от друга не отличающихся возгласа, четыре «элемента», символизуемых в *сал, бер, йон, рош* или А, В, С, D. С течением времени «труд-магическое действие» спускается из труд-магических сфер в хозяйственные сферы. При этом четыре «элемента» начинают изменяться, в звучании и в значении, в разных человеческих группах по-разному. Взаимодействие человеческих групп ведет к тому, что в употреблении каждой из них «элементы» оказываются представленными

в разных звуковых оформлениях и с разными значениями. Звуковая речь на первой, простейшей степени развития — готова.

7. Утверждение яфетического языкознания, что дело началось с кинетической речи, не является доказанным. Бесспорно: мы на каждом шагу встречаемся с тем, что слова, означающие «призывать», сводятся к словам означающим «манить рукой», слова, означающие «приказывать», — к словам, означающим «указывать рукой» и т. д. Но из этого еще нельзя делать вывод, что дело началось с кинетической речи. Движения настолько выразительны, что и в наши дни можно наблюдать использование названий движений по перенесению для называния звучаний. Нетрудно видеть, /4//5/ почему яфетическое языковедение не может обойтись без обсуждаемого утверждения. Яфетическое языковедение ограничивает поле зрения словом, не расширяя его до предложения, — хотя в декларативных выступлениях и обещает работу по предложению. Вследствие этого яфетическое языковедение не умеет оперировать с понятием коммуникации, которое может опираться только на понятие предложения, а вместе с тем бессильно подойти к различению двух видов коммуникации, сигнализации и речи, — эти вещи смешиваются (например, Яф. теория, на каждом шагу). Когда перед яфетическим языковедением встает вопрос о порядке роста коммуникации в человеческом обществе, оно лишено возможности противопоставить две стадии, различающиеся по содержанию коммуникации, по идеологии, — стадию сигнализации и стадию речи, — а противопоставляет две стадии, различающиеся по внешним средствам коммуникации, по форме, — стадию кинетической речи и стадию звуковой речи. Далее, нетрудно видеть, какую опасность таит в себе обсуждаемое утверждение. Так легко перебросить бремя ряда проблем со звуковой речи на фонетическую, не входя в исследование последней. Эта опасность становится реальной, поскольку мы поставлены перед яфетидологическим разрешением вопроса о том, что раньше — речь или мысль.

8. Утверждение яфетической теории, что источником звуковой речи является «труд-магическое действие», что в связи с этим первоносителями звуковой речи являются маги и что в связи с этим же /5//6/ первоначанием всех слов всех языков всех времен — является главная таинственная сила магии, не является доказанным. Бесспорно: мы на каждом шагу встречаемся с тем, что слова со значениями «плясать», «музицировать», «петь», «говорить» оказываются между собою связанными. Но из этого еще нельзя делать вывод, что источником звуковой речи является труд-магическое действие. Пляска и музыка, музыка и пение, пение и звуковая речь настолько близко связаны между собою и в наши дни, что связь их названий понятна и без всякого труд-магического действия. Нетрудно видеть, почему яфетидологическое языковедение не могло соблюсти нужную осторожность в обращении с магией. Как уже указывалось,

яфетидологическое языковедение не умеет оперировать с понятием коммуникации. Если бы оно умело оперировать с этим понятием, оно ушло бы, что в труд-магическом действе в обстановке магического мироощущения нет никаких признаков коммуникации (так, у австралийцев, еще не выработавших достаточно полно анимистического мироощущения и сохраняющих в основном магическое мироощущение, «труд-магическое действо» до сих пор чуждо <рукописная вставка: обращения, сообщения>, коммуникации) и что, следовательно, вывести звуковую речь, звуковую эксклюзивную коммуникацию, из труд-магического действа гораздо труднее, чем это кажется на первый взгляд. Нужно ли говорить о том, какие опасности таит в себе обсуждаемое утверждение?

9. Утверждение яфетического языкознания, что в основе всех слов всех языков всех времен лежат четыре «элемента», символизуемые в *сал, бер, йон, рош/6//7/* или А, В, С, D, не является доказанным. Конечно, никто не будет спорить против того, что звуковая речь начала с очень ограниченного словаря. Но вряд ли кто, осведомленный в истории появления «элементов» в пользовании яфетического языковедения, может, оставаясь добросовестным, принять эти «элементы». «Элементы» появились в пользовании яфетического языковедения еще тогда, когда оно переживало не «классовую», а «племенную» стадию. Установлены эти «элементы» были, в основном, на основе рассмотрения племенных названий. А племенные названия — вещь опасная. На них можно построить любую теорию. С другой стороны, на них нельзя построить никакую надежную теорию. Дело в том, что племенные названия, собственные названия племен, подобно всем другим собственным названиям, не имеют семантики (значения) в обычном значении этого слова. Они отмечают, но помимо этого ничего не значат. Что значит ботокуд, ирокез и т. п.? Бесспорно, что пока эти термины не стали племенными названиями, они нечто значили. Бесспорно и то, что если эти термины перестанут быть племенными названиями (это бывает), они будут нечто значить. Но как племенные названия, они ничего не значат. В этой обстановке отпадают все семантические критерии проверки построений, выведенных из племенных названий, критерии идеологические, — остаются лишь критерии голого звукового сходства, критерии совершенно недостаточные. Надо поставить точку над и: «элементы» выведены неудачно. Нетрудно видеть, какую опасность таит в себе обсуждаемое утверждение. Ведь так соблазнительно иметь возможность любое слово любого языка любой эпохи сопоставить с <рукописная вставка:> четвертью состава словаря данного языка всех эпох и/7//8/ с четвертью состава словаря всех других языков всех эпох (ныне языков насчитывается до 3000). Отпадают все препятствия для доказательства чего угодно. В

частности, отпадают все препятствия любого положения в области семантики (значения).

10. Утверждение яфетического языкознания, что звуковая речь не могла сформироваться без языкового взаимодействия разных человеческих групп, без языкового скрещения, не является доказанным. Конечно, никто не будет спорить против того, что языковое скрещение играет в жизни речи чрезвычайно важную роль, но вряд ли кто, осведомленный в истории развития понятия языкового скрещения в пользовании яфетического языкознания, может, оставаясь добросовестным, принять переоценку языкового скрещения. Переоценка языкового скрещения в пользовании яфетического языковедения появилось еще тогда, когда оно переживало не «классовую», а «племенную» стадию. Создалась эта переоценка языкового скрещения, в основном, на основе рассмотрения племенных названий. Здесь можно повторить сказанное по поводу установления «элементов». Надо поставить точку над и: переоценка языкового скрещения возникла в путях ненаучных. Нетрудно видеть, какую опасность таит в себе обсуждаемое утверждение. Если учесть все возможности скрещения, в частности скрещение как сращение разноязычных «элементов» одного значения в одно длинное слово, с утратой либо первого согласного первого «элемента», либо второго согласного первого «элемента», и т. д., то ведь так соблазнительно сохранить возможность любое слово любого языка любой эпохи разрезать на любое число ча/8//9/стей любого размера и сопоставить эти части с чем угодно. Отпадают все препятствия для доказательства чего угодно. В частности отпадают все препятствия для доказательства любого положения в области семантики.

11. Весьма интересуюсь вопросами возникновения слова, которые в его трактовке совпадают с вопросами возникновения звуковой речи, яфетическое языкознание не умеет подойти ни к вопросам возникновения предложения, ни к вопросам возникновения фонемы (подход к последним вопросам характеризуется хотя бы Яф. т., стр. 109–110).

12. Разрешить проблему возникновения звуковой речи яфетическое языкознание не сумело: с одной стороны, оно не сумело выйти за рамки слова, а с другой стороны, оно пренебрегло некоторыми научными требованиями.

Новые возможности

13. Утверждению яфетического языковедения о том, что звуковой речи предшествовала кинетическая, мы можем смело противопоставить утверждение, что речи, какова бы она не была, предшествовала сигнализация.

14. Человечество могло довольствоваться сигнализацией весьма долго, постепенно ее совершенствуя. Время, когда она оказалась недостаточной, и когда должна была возникнуть речь, может быть

определено с полнейшей точностью. Это время, когда сформировались трудовые процессы, различные моменты которых, /9//10/ разделенные сравнительно значительным промежутком времени или сравнительно значительным расстоянием, должны были приводиться в отношение согласованности. Дело касается сложно организованной коллективной охоты, возникшей впервые в период отжимных орудий, у порога протонеолита. Кроме соображений общего порядка, в пользу указанной датировки возникновения речи можно привести и некоторые более «ощутительные» соображения. С речью, эксклюзивной коммуникацией, имеют прямую связь живопись, гравировка и скульптура. Вопрос о том, в какой мере они составляют разновидности коммуникации, мы здесь обсуждать не будем. Нам нужно подчеркнуть другое: в них есть момент эксклюзивности. Временно-пространственные определения предмета живописи, гравюры, скульптуры могут не совпадать с временно-пространственными определениями произведения живописи, гравюры, скульптуры, — рисунок бизона изображает вовсе не сейчас здесь имеющегося бизона, гравюра оленя — вовсе не сейчас здесь имеющегося оленя, статуэтка женщины — вовсе не сейчас здесь имеющуюся женщину. Не приходится сомневаться, что речь возникла приблизительно в одно время с живописью, гравировкой, скульптурой. Живопись, гравировка, скульптура возникли в период отжимных орудий¹. Тем более оснований у нас относить возникновение речи именно к этому периоду. /10//11/

15. Порядок возникновения речи, поскольку мы знаем, что она такое и каково ее место в культурном развитии человечества, не может быть предметом гаданий. Мы и теперь можем наблюдать, как ведет себя человек, попавший в среду людей, с которыми у него нет общего языка, но которым он желает сообщать что-либо, что отделено значительным промежутком времени или значительным расстоянием. Он изображает, представляет то, что хочет сообщить, всеми средствами, какие находятся у него в распоряжении, — движениями рук, ног, мышц лица, звуками голоса. К изображению, представлению, должен был прибегнуть и первобытный человек, когда назрела необходимость возникновения речи. Самый процесс изображения, представления был ему уже знаком — с зари времен существовали игры, которые в своем существе всегда — изображение, представление. Теперь дело свелось к использованию игры для серьезных целей — как социально ценной работы.

16. В речи, пока она была изображением, представлением, должны были участвовать и жесты и звуки, и не только просто изображающие, представляющие: в речь должно было влиться все богатство унаследованной из более раннего времени сигнализации. Трудно сказать, какими именно путями вливалась в речь сигнализация, но представить

¹ Окрашивание тела, рубцевание тела, уродование головы и т. п. могли возникнуть и раньше (окрашивание тела достоверно возникло раньше). В них никак нельзя утверждать эксклюзивность.

себе этот процесс можно: сначала сигналы фигурировали на началах, так сказать, реальной «собственной речи» тех, кто изображается, потом на началах мнимой, в целях облегчения изображения, представливании примышленной «собственной /11//12/речи» тех, кто изображается, а в конце концов и на началах рядового момента речи. Роль жестов разного происхождения должна была быть очень велика: жесты обладают гораздо большей изображающей, представляющей силой, чем звуки. Но и роль звуков не могла быть малой. Дело не только в звуках разного происхождения, как моментах изображения, представливании. Дело и в звучании, как чрезвычайно чутком отражателе эмоциональной стороны вещей, да еще как чрезвычайно эффективным привлекателе внимания. При изображении, представливании голос звучал вряд ли с большими перерывами — человек экономит голос меньше всего, для него голос является любимым средством создания «уюта» своей среды и «складности» работы в своей среде. Позднее положение вещей должно было измениться в том смысле, что голос, звучащий без больших перерывов и к тому же достигающий туда, куда не достигают жесты, стал постепенно перетягивать на себя груз изображения, представливании.

17. Человечество не могло слишком долго задерживаться на ступени речи, как более или менее реалистического изображения, представливании. В рамках каждого коллектива, в обстановке совместного пользования речью и потому согласованности, неизбежно должен был возникнуть процесс схематического, а затем и символического подмена различных моментов изображения, представливании, с усилением нагрузки голоса. Звуковая речь (никогда не отрывавшаяся вполне от кинетической) тут собственно и получила начало. Заметим: если возникновение первоначальной кинети/12//13/чески-звуковой речи, реалистического изображения, представливании, можно связывать с эпохой отжимных орудий — эпохой изумительного рассвета реалистического искусства, — то возникновение звуковой речи, результата схематического, а затем и символического подмена можно приближать к последующей эпохе, эпохе обточенных орудий, протонеолиту — эпохе движения искусства в глубины схематизации, а затем и символизации. Во избежание недоразумений: в качестве образчика человека протонеолита в данном случае не следует брать современного австралийца. Одно дело — передовой человек протонеолита, появившийся десятка два тысяч лет тому назад. Другое дело — отсталый человек протонеолита — современный австралиец. Первому не у кого было учиться. Второй неизбежно учился, наслаивая на протонеолитическую основу своей культуры различные элементы высших культур. Первый только что создал звуковую речь. Второй пользуется звуковой речью, надо думать, уже давно.

18. Как же быть с кинетической речью, существующей кое-где вне связи с звуковой? Многие говорят за то, что это явление возникло

сравнительно поздно, на основе затабуирования звуковой речи в определенных жизненных случаях, в одних случаях продолжающего существовать, как затабуирование, а в других случаях — как затабуирование забытого.

19. Как же, далее, быть с магией, судьбы которой, несомненно, как-то переплетаются с судьбами речи, хотя и не так, как это изображает яфетическое языковедение? Несомненно, что магия возникла примерно одновременно с речью, а также с живописью, гра/13//14/вировкой, скульптурой. Извне эта связь устанавливается из того, что первые, сразу обильные следы магии относятся в тот же период отжимных орудий, в который следует относить первые шаги речи и в который относятся первые следы живописи, гравировки, скульптуры. Изнутри эта связь устанавливается из того, что для сформирования магии нужно овладение идеей связанности временно и пространственно отделенных подобия и оригинала, части и целого — той самой идеей, которая проникает речь, как эксклюзивную коммуникацию, а также живопись, гравировку, скульптуру. Нет оснований говорить, что речь выпочковалась из магии. Но есть все основания говорить, что речь испытала глубочайшее влияние магического мироощущения, как потом испытала глубочайшее влияние анимистического мироощущения и т. д.

20. Здесь мы можем подойти к вопросу, к которому несколько легко подошло яфетическое языковедение: что раньше — речь или мысль. Наш ответ таков: речь вместе с другими надстройками того же порядка и мысль — две стороны одного и того же круга явлений; где речь вместе с другими надстройками того же порядка, там и мысль; где мысль, там и речь вместе с другими надстройками того же порядка. То и другое — стяжания периода отжимных орудий. К тому, что об этом периоде говорилось выше, нелишне добавить одну вещь: в этот период появилась разновидность человека, называемая антропологами *homo sapiens*.

21. На первых порах звуковая речь не могла не быть организованной простейшим образом: «Предложение» совпадало со «словом», т. е. не было ни предло/14//15/жения, как такового, ни слова, как такового, а «слово» совпадало с «фонемой», т. е. не было ни слова, как такового, ни фонемы, как таковой. Не было ни грамматической, ни фонетической членораздельности.

22. Грамматическая членораздельность возникла отнюдь не потому, что этого требовала «логика», — ведь «логика» не была человеку дана откуда-то извне, а росла вместе с речью и другими явлениями того же порядка. Дело обстояло иначе. В человеческой деятельности весьма важную роль играет противостояние и связанность арсиса и тезиса, проявляющиеся если не всегда, то весьма часто: надо сначала поднять ногу и затем топнуть, сначала занести руку назад и затем ударить или бросить, сначала отнести корпус назад и затем толкнуть и т. д. Если приглядеться к

предложению и двум его моментам, подлежащему и сказуемому, как они существуют по сей день, то нетрудно видеть, что подлежащее и сказуемое предложения противостоят друг другу и связаны друг с другом, как арсис и тезис. Возьмем пример: «Солнце зашло». Подлежащее здесь — подготовка, намечение темы, и это подчеркивается особой интонацией, повышающейся, обнаруживающей рост напряжения в высказывании и требующей внимания. Сказуемое здесь — разрешение, развитие темы до намеченного конца, и это подчеркивается особой интонацией, понижающейся без всякого предела, обнаруживающей падение напряжения в высказывании и освобождающей внимание. Так дело обстоит не только в русском языке, но и во всех языках земного шара. Сделанное сейчас наблюдение имеет громадное палеонтологическое значение — оно раскрывает происхождение грамматической /15//16/ членораздельности. Совершенно несомненно, что в свое время в поток рассказывания ворвался принцип противостояния арсиса и тезиса, как один из обобщающих принципов человеческой деятельности, и отдельные акты высказывания, поскольку позволяла тематика высказывания, стали располагаться в потоке высказывания по этому принципу, для чего, кстати, требовалось только возникновение некоторых интонационных явлений. Когда это произошло, сказать трудно. Но весьма возможно, что в процессе формирования звуковой речи, как таковой, наметилось и возникновение грамматической членораздельности. Относительно хода углубления грамматической членораздельности — ведь дело не только в противостоянии и связанности подлежащего и сказуемого — здесь, за недостатком места, не будем распространяться.

23. Фонетическая членораздельность представляет собой явление, гораздо более позднее, чем грамматическая членораздельность. При объяснении возникновения грамматической <фонетической> членораздельности отнюдь не следует становиться на точку зрения яфетического языкознания, которое утверждает, что фонема создалась в порядке распада диффузного звукового тела слова на отдельные единицы. Почему и как, - не зачем, а почему и как, остается тайной. Такие случаи, как наши «ах», «трах» этой тайны не разъясняют, так как представляют вовсе не распад диффузного звукового эффекта на фонемы, а проекцию диффузного звукового эффекта в плоскость уже готовой системы фонем, проекцию, притом, весьма часто мнимую. К делу можно подойти иначе, стоит лишь /16//17/ перестать ограничивать круг внимания словом и вовлечь в этот круг словосочетание. Для объяснения возникновения фонетической членораздельности в нашем распоряжении целый арсенал средств. Мы знаем, что, в обстановке достаточно глубокого развития грамматической членораздельности, вещи могут обозначаться и сочетаниями слов. Мы знаем, что сочетания слов могут сливаться в одно слово, так что не остается и напоминания об этих словах, как отдельных

словах. Мы знаем к тому же, что происходит при этом со звуковым телом слов. Приступая к объяснению возникновения фонетической членораздельности, предварительно заметим, что в слове весьма рано должно было сформироваться противостояние согласного и гласного моментов: поскольку голос играл роль не только обозначителя вещей, но и выразителя эмоциональной стороны дела и привлекателя внимания, в нем должна была быть обеспечена беспрепятственная работа на силу и высоту и длительность, а следовательно должно было быть обеспечено участие гласных. Таким образом, нам приходится исходить из слов с согласным «туловищем» разного качества и гласным «хвостом» однообразного качества. Слияние таких слов вело ни к чему иному, как к появлению фонем-согласных. В самом деле: когда в словаре размножились двух- и более-составные по происхождению слова, оказалось, что в словах этих участвует по несколько отдельных согласных эффектов и что эти согласные эффекты повторяются в разных комбинациях, в разных словах, — а это уже картина наличия фонем-согласных. Появление фонем-гласных относится неизбежно к более позднему времени/17//18/ни. Для этого нужны многообразные процессы созревания качественных различий в гласных в зависимости от обстановки (от предшествующих и последующих согласных, ударения и т. д.), а затем отрыва этих качественных различий от создавшей их обстановки — процессы, повторяющиеся и в наши дни и прекрасно исследованные.

24. Проблема возникновения речи выше проработана путями типологическими, а не этимологическими (корнесловными). Думать, что этимологическими (корнесловными) путями можно добраться до возникновения речи, так же наивно, как думать, что генеалогическими (родословными) путями можно добраться до возникновения человечества. Этимологические судьбы слов гораздо сложнее, чем это представляет яфетическое языковедение. И разбираться в их сплетениях на глубине больше немногих тысяч лет пока, оставаясь в границах научности, невозможно. По отношению к проблеме возникновения речи остаются: предварительный точный анализ природы речи и таких вещей, как предложение, слово, фонема; далее, полный учет процессов, которые протекают в наши дни и протекали раньше в пределах достоверного (задокументированного) прошлого, и полный учет процессов, имеющих место при попытках эксклюзивной коммуникации в обстановке незнания речи той среды, в которой к ней приходится прибегать; наконец, полный учет достижений материальной палеонтологии в конкретных очертаниях периода отжимных орудий, протонеолита и т. д., и полный учет достижений других наук о человеческой культуре. /18//19/

Проблема возникновения языков

Традиционное языковедение

25. Традиционное языкознание сторонится проблемы возникновения языков.

Яфетическое языковедение

26. Яфетическое языковедение создает свою теорию возникновения языков. Для эпохи «труд-магического» действия, еще не выделившего из себя звуковой речи, признается единый, так сказать, эо-язык, представленный в общих для всего человечества «элементах». Для эпохи только что выделившейся из «труд-магического» действия звуковой речи, признается неограниченное число, так сказать, прото-языков, составляющих основание яфетической «пирамиды». Все это весьма неясно, если только не допустить, что единый, так сказать, эо-язык, представленный в общих для всего человечества «элементах», был явлением естественно-историческим, а все дальнейшее — явлением социально-историческим. Это заводит в дебри, из которых не выбраться.

Новые возможности

27. Речь никогда не могла быть вполне одинакова во всем человечестве, ибо она всегда была явлением социально-историческим. Но пока она не покидала основ более или менее реалистического изображения, представлявания, расхождение между отдельными коллективами в речи не могло быть особенно значительным. Совсем иначе должно было сложиться дело, когда она стала покидать основы реалистического изображения, представлявания, укладываясь в русло звуковой речи. Совершенно несомненно, что звуковая речь, как звуковая речь, с этимологической стороны с самого начала была в разных хозяйственно более или менее обособленных коллективах оформлена по разному, хотя с типологической стороны на первых порах не могла не представлять очень далеко идущего единообразия.

Проблема общих законов развития речи

Традиционное языковедение

28. Традиционное языковедение интересуется общими законами развития речи сравнительно мало. Ему, естественно, чужд диалектический подход. Однако опыт обращения с разнообразнейшими языками, начиная от индоевропейских и кончая австралийскими, у традиционного языковедения настолько велик, что из него, при надлежащем

методологическом подходе, можно извлечь чрезвычайно много серьезнейших общих положений относительно развития речи.

Яфетическое языковедение

29. Яфетическое языковедение выдвигает утверждение, что процесс развития звуковой речи, несмотря на все многообразие своих проявлений, един. С этим /20//21/ утверждением надо согласиться. Но нельзя согласиться с тем использованием этого утверждения, которое налицо в яфетическом языковедении. Яфетическое языковедение, проникнувшись тезисом, забывает об антитезисе: процесс развития речи, несмотря на все свое единство, многообразен в проявлениях. В результате — ни малейшего интереса к специфическим закономерностям отдельных языков. С точки зрения оформления все языки оказываются подстриженными под одну гребенку, и если, например, удмуртское слово оказывается случайно принятым за финское, построение не меняется ни на йоту. Под одну же гребенку все языки оказываются подстриженными и с точки зрения лексического содержания, и если, например, берется слово с содержанием «север», оно, на основании полученного из других языков опыта, сводится непосредственно к словам с содержанием «ночь», хотя бы в действительности оно вело начало непосредственно от слова со значением «низ», или если берется слово со значением «раз», оно, на основании полученного из других языков опыта, сводится непосредственно к словам со значением «рука» и т. п., хотя бы в действительности оно вело начало непосредственно от слова со значением «черта, надрез» (дело касается реминисценций счета по чертам и резам). Создается положение, неприемлемое ни для кого, кто вошел в знакомство со специфическими закономерностями тех или иных языков.

30. Яфетическое языковедение выдвигает утверждение, что процесс развития звуковой речи протекает скачкообразно, переходя из стадии в стадию мутационным порядком. С этим утверждением надо согласиться: /21//22/ перед нами достоверные (задокументированные) случаи скачков, например, в русском языке XII–XIII в., т. н. падение глухих со всеми его бесчисленными следствиями, несомненно, связанное с глубокими экономическими и социальными переменами и со сложными передвижениями народных масс на Руси XII–XIII в. Но нельзя согласиться с той разработкой этого утверждения, которая налицо в яфетическом языковедении.

31. Яфетическое языковедение говорит о стадиях синтетической, агглютинативной и флективной, т. е. повторяет теорию, возникшую сто с лишним лет тому назад и затем умершую. Синтетический строй языка, где бы он ни встретился, признается архаичнейшим, а прочие, где бы они ни встретились — типологически новейшими. Бесспорно: только на основе предшествовавшего синтетического строя мог вырастать строй

агглютинативный, и только на основе предшествовавшего агглютинативного строя мог вырастать строй флективный. Но в то же время бесспорно: период роста возможностей звуковой речи от синтетичности через агглютинативность к флективности на всем земном шаре миновал уже давно, и если ныне одни языки являются синтетическими, другие агглютинативными, а третьи флективными, то совсем не потому, что одни отстали, а другие ушли вперед, а по другим причинам. Не секрет, что в тех случаях, когда несколько разноязычных обществ сливаются в одну одноязычную, при известном соотношении этих обществ создается устранение тех морфологических явлений, которые типологически непривычны одним, и тех морфологических явлений, которые типологически непривычны /22//23/ другим, и в итоге получается упрощение морфологии. Если процессы этого рода возобновляются или протекают в особенно сложной комбинации, то дело может кончиться исчезновением всякой морфологии, т. е. возвратом к синтетичности. Не секрет и то, что в тех случаях, когда разноязычные обществности живут, не сливаясь, — потому ли, что этому препятствуют те или иные внешние обстоятельства, или потому, что этому препятствует переживаемая этими обществностями ступень развития, — морфология из века в век остается сложной. Что это так, ясно, если подойти к вещам не в абстрациях, а в конкретной картине, которую развертывают перед нами языки земного шара. Возьмем величайшую на земном шаре и притом весьма «древнюю» (т. е. обладающую весьма длительным высококультурным прошлым) китайскую обществность, составившуюся в результате, конечно, многочисленнейших и многообразнейших процессов слияния более ранних обществностей. Каков язык этой обществности? Он синтетичен. Возьмем едва ли не мельчайшие на земном шаре и притом весьма «новые» австралийские обществности, по своему развитию неспособные к крупным слияниям. Каковы языки этих обществностей? Они весьма и весьма далеки от синтетичности, они морфологически чрезвычайно сложны.

32. Далее, яфетическое языковедение говорит о другого порядка стадиях — яфетической и после-яфетической. Тут все неясно. Неясности эти сосредоточены в одном вопросе: в чем качественное различие между яфетической и после-яфетической стадиями? Возникает опасение, что яфетическое и неяфетическое предста/23//24/влено, как яфетическое и после-яфетическое без достаточных оснований. Изучение яфетических языков после революции имеется не только в Академии Наук, но и на Кавказе. И вот создается несогласие между Академией Наук и Кавказом. На Кавказе яфетические языки оцениваются как весьма интересные во многих отношениях, но все же языки, как языки (ср. хотя бы обширный отзыв А. Чикобава на Гр. др.-лит. груз. яз. Н. Марраⁱⁱⁱ).

33. О скачках из стадии в стадию яфетическое языковедение говорит очень туманно. Вот пример: «Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой ступени <в оригинале: степени>, более сложной, скрещения, вызванное <в оригинале: вызванной> переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, по-видимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве может быть, и в сопутствии привходящих пермутаций физической среды; <...> Не имея ни малейшего притязания доказывать эти мысли кому бы то ни было, разве в тесном кругу посвященных в основы яфетидологии и располагающих элементами материального знания по ней, я считаю не только долгом, но насущной потребностью дать огласку выдвигаемому мною положению, как оси яфетидологических работ в дальнейшем...» (По этап. разв. яф. т., стр. 244–245^{iv}). Неясно, в чем качественная природа скачка. Неясно также, в чем общественная обусловленность скачка. О том, что скачек обусловлен, «по-видимому», открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, говорить вряд ли можно, так как скачек этот первыми должны были проделать, как будто бы те, кто сыграл особенно важную роль в деле откры/24//25/тия металлов и их использования в хозяйстве, именно яфетиды Кавказа, а они-то скачка как раз и не проделали.

34. Не будем следить за всеми утверждениями яфетического языковедения по вопросам общих законов развития речи — на это у нас не хватит времени. Дело ясно. Утверждения яфетического языковедения по вопросам общих законов развития речи совершенно соответствуют нашему мирозерцанию, но работа по линиям этих утверждений либо односторонняя, либо просто неудачна — этот дефект получает оценку сейчас. Корень беды в том, что вся работа яфетического языковедения вращается около выработанной им теории возникновения звуковой речи, теории неудачной и совсем не соответствующей нашему мирозерцанию, выросшей из неумения выйти за рамки слова и из пренебрежения некоторыми научными требованиями.

Новые возможности

35. В развитии речи налицо взаимодействие общечеловеческих законов и специфических для определенных языков законов. К общечеловеческим законам развития речи можно подойти только путями типологическими — не путями этимологическими и не путями смешанными типологическо-этимологическими, которые являются излюбленными со стороны яфетического языковедения. Чтобы в этом весьма важном пункте не оставалось неясностей, необходим небольшой пример типологического построения. В финноугорских языках мы находим связь значений «вода» и т. п. и «родиться» (финск. *sata* «дождить» и рядом финск. *sato* «уро/25//26/жай», мордовск. *satso* закономерно

соответствующее финскому sata — «родиться» и т. д.). В практических языках, как, может быть, удобнее именовать индоевропейские, мы находим то же самое (др.-инд. su — «выжимать сок», греч. __, где __^v закономерно соответствует др.-инд. su — «дождить» и т. д., и рядом др.-инд. su, sū — «родить» и т. д., куда примыкают и слова со значениями «род, как общественная организация», «принадлежащий к своему роду», «свой», «хороший» и т. д.). То же самое мы находим и в других группировках языков. Нужно ли нам для того, чтобы сделать из приведенных фактов соответствующий вывод, обращаться к этимологическому сведению финноугорских, прометических и прочих слов к «элементам» или чему-либо другому в этом же духе? Нет, не нужно. Нам достаточно подойти к фактам типологически, заметить, что слова со значением «вода» и т. п. оказываются связанными со значением «родиться» или «родить», каков бы не был этимологический материал этих слов, а затем сообразить, что когда-то такая связь была прямо обоснована в миросозерцании (вспомним еще сохраняющиеся сказания о появлении души ребенка из источника и подобные). Другое, десятое, тысячное наблюдение в том же роде — и мы будем в состоянии строить общие законы развития лексического содержания речи во всеоружии научного владения фактами. В других областях речи — то же самое.

36. В развитии речи, бесспорно, налицо скачки из стадии в стадию. Они есть и в области оформления речи, фонетики, морфологии и синтаксиса, и в области лексического содержания речи. В области лексического содержания речи мы их можем наблюдать в особенно благоприятной обстановке, так как лексическое содержание речи чрезвычайно чутко отзывается на все общественные перемены, и мы легко можем разобраться в причинах и следствиях. Что касается оформления речи, то оно неизбежно отстает от общественных перемен. Совершенно естественно положить в основу классификации стадий лексического содержания речи, а не оформление. Основные стадии развития лексического содержания речи уже намечаются. На этот счет да будет разрешено высказаться в другой раз.

37. Не будем перебирать все вопросы общих законов развития речи. На это у нас не хватит времени. Дело ясно. Мы должны стать на иные рельсы, чем яфетическое языковедение.

Проблема «пирамид» языков

Традиционное языковедение

38. Традиционное языковедение сравнительно мало интересуется проблемой «пирамид» языков. Что оно отстаивает «пирамиду», стоящую на вершине, — неверно. Тенденции, влекущие к такой «пирамиде», со времени Шухардта, отца мысли о скрещении языков, встречаются

противодействие. Из опыта обращения традиционного языковедения с разнообразнейшими языками можно извлечь много серьезнейших общих положений относительно смены одних языковых формаций другими.

Яфетическое языковедение

39. Яфетическое языковедение выдвигает «пира/27//28/миду», покоящуюся на основании. По его учению, число языков земного шара непрерывно уменьшается, благодаря завоеваниям скрещения и слияния языков, отражающих скрещение и слияние человеческих групп. Принадлежность языков к одной группировке, например, финноугорской или прометической, — выражение незавершенного скрещения и слияния языков. С этой идиллией, где не видно никакой борьбы, никак нельзя согласиться.

Новые возможности

40. В действительности нет никаких простых «пирамид» языков, ни стоящей на вершине, ни покоящейся на основании. Перед нами борьба между противоречащими тенденциями. Бесспорно, что мы на каждом шагу встречаемся с процессами возникновения одного языка на месте нескольких, и не столько в идеалистической форме скрещения и слияния, сколько в суровой форме вытеснения. При этом, конечно, вовсе не обязательны ни физическое скрещение и слияние, ни физическое вытеснение — языковые явления никак не пришиты к определенным физическим носителям. Пример: в свое время в западной части Средиземноморья, в связи с установлением единого хозяйства, именуемого романским, на месте бесчисленных глубоко различных языков (италийских, этрусских, лигурийских, иберийских, кельтских и т. д.) установилась единообразная речь, именуемая романской. Эта однообразная речь проникла не сразу во все сферы жизни: в те сферы жизни, которые меньше других втягиваются в единое хозяйство, она проникла сравнительно поздно. Какие процессы/28//29/ действовали при установлении единообразной речи — процессы ли скрещения и слияния или процессы вытеснения? Конечно, на каждой территории единообразная речь продолжала немало черт прежней речи, как в смысле перенесения в единообразную речь явлений, известных прежней речи, так и в смысле устранения из единообразной речи явлений, типологически неизвестных прежней речи. Провинциальные особенности единообразной речи при этом могли вступать во взаимодействие. Таким образом были известны процессы скрещения и слияния. Но определяющими картину единообразия речи были не они, а процессы вытеснения: прекрасно известно, что в основу единообразной речи легла так. наз. народная латынь. Примеры этого рода можно было бы приводить без конца. Конечно, на разных ступенях общественного развития дело складывается по-разному. Но

суровый закон борьбы языков за существование господствует всегда и везде. Далее: бесспорно, что мы на каждом шагу встречаемся и с процессами возникновения нескольких языков на месте одного. Пример: в свое время в западной части Средиземноморья, в связи с распадом единого хозяйства, именуемого романским, на месте единого языка, именуемого романским, установилось весьма значительное число языков, именуемых итальянским, южно-французским, северно-французским и т. д., а вместе, по происхождению, романскими. Как смотреть на принадлежность романских языков к одной группировке — как на выражение незавершенного скрещения и слияния или как на выражение разрушенного единства? Ответ, думается, ясен. Примеры этого рода можно было бы приводить без конца. Отдав себе отчет в наличии двух противоречащих тенденций — тенденции к возникновению единого языка на месте нескольких и тенденции к возникновению нескольких языков на месте одного, — мы можем взвесить и общий эффект борьбы этих тенденций. Число хозяйственно более или менее обособленных человеческих групп, в общем, непрерывно уменьшается, так как эти человеческие группы, в общем, непрерывно укрупняются. Вместе с тем, в общем, непрерывно уменьшается число языков.

Проблема общечеловеческого языка в будущем

Традиционное языковедение

41. Традиционное языковедение сторонится проблемы общечеловеческого языка в будущем.

Яфетическое языковедение

42. Яфетическое языковедение подходит к проблеме общечеловеческого языка в будущем с точки зрения своей пирамиды языков, покоящейся на основании. Общечеловеческий язык возникнет в порядке скрещения и слияния существующих языков. С этим никак нельзя согласиться.

Новые возможности

43. Если бы преемственность языковых формаций в дальнейшем развивалась стихийно, мы ждали бы, при некоторых процессах слияния и скрещения, вытеснения каким либо одним языком, который накопит особенно много культурных ценностей, всех остальных языков. Но стихийное развитие преемственности языковых формаций в будущем исключено. Все больше и больше обнаруживается способность социалистического общества вносить момент организованного воздействия даже в такие вещи, как развитие языка. Общечеловеческий

язык, язык будущего, язык окончательно победившего социализма, не столько создастся, сколько будет создан.

Проблемы прошлого отдельных языков и их группировок

Традиционное языковедение

44. Уделяя весьма мало внимания общим проблемам языковедения, традиционное языковедение чрезвычайно много поработало по проблемам прошлого отдельных языков и их группировок. Около этих проблем сосредоточивалась работа сотен языковедов, совсем не глупых, в течение целого века. Мы можем быть несогласны с идеологической установкой этих работ. Но мы не можем отрицать громадных фактических их результатов и чрезвычайно высокой их техники.

Яфетическое языковедение

45. Яфетическое языковедение, увлекшись общим, совершенно отошло от частного. В проблемах частного оно совершенно беспомощно. Дело доходит до того, что «яфетическая теория совершенно отмежевывается в своих лингвистических исканиях <в оригинале: изысканиях> от историзма» (По эт. разв. яф. т., стр. 300). Какому бы языку и какой бы эпохе не принадлежало слово, оно ведется по одним и тем же звуковым и семантическим формулам. Никаких законов отдельных языков и отдельных эпох, кроме ме/31//32/ханики скрещения явлений, относимых в яфетическую древность. Никакого разнообразия места и времени в смене значений. Последствия весьма печальны. Самое печальное — полное бессилие яфетического языковедения оказать языковедческую помощь национальностям Союза. Как это оказалось возможным? Это оказалось возможным только в обстановке отсутствия преемства между традиционным языковедением, которое грешно в чем угодно, но не в пренебрежении к частному, и яфетическим языковедением — отсутствие преемства, которое сказывается в неучете фактических результатов и техники работы традиционного языковедения и в неверной информации относительно его существа.

Новые возможности

46. В проблемах прошлого отдельных языков и их группировок надо избегать и крайности традиционного языковедения, изучающего частное вне общего, и крайности яфетического языковедения, изучающего общее вне частного. Общее — не вне частного — нам придется разрабатывать в основном самим. Но в частном мы не должны стыдиться преемства по отношению к традиционному языковедению, конечно, подходя к нему по своему, не вне общего. Стыдиться преемства по отношению к традиционному языковедению значило бы оказаться в положении химика,

который начал бы с отвержения фактических результатов и техники работы традиционной химии. /32//33/

Итоги по основным проблемам языковедения

Традиционное языковедение

47. Традиционное языковедение прорабатывает общие проблемы речи и языков недостаточно, а некоторые из этих проблем (проблемы возникновения и проблемы будущего) и вовсе не желает затрагивать. Зато в области проблем отдельных языков и их группировок традиционное языковедение достигло весьма важных фактических результатов и весьма высокой техники.

Яфетическое языковедение

48. Яфетическое языковедение выдвинуло всю полноту общих проблем речи и языков и выдвинуло их под лозунгами нашего мирозерцания. В этом его громадная заслуга. Однако вся работа яфетического языковедения оказалась пригнетенной выработанной им неудачной теорией возникновения звуковой речи, ничего общего с нашим мирозерцанием не имеющей, и в результате мы не увидели ни разрешения выдвинутых проблем, ни оправдания в работе провозглашенных лозунгов. В области проблем отдельных языков и их группировок яфетическое языковедение отбросило нас далеко назад, по крайней мере, в XVIII век. Недостатки яфетического языковедения уже начинают получать оценку и со стороны наших марксистов («Языковед»^{vi}) и со стороны зарубежных марксистов (Hannes Sköld^{vii} — редкая на Западе комбинация известного языковеда и марксиста). Яфетическое языковедение — явление переходное, уже сослужившее свою/33//34/ службу.

Новые возможности

49. Представители яфетического языковедения говорят: либо традиционное языкознание, либо яфетическое. Это не диалектично. На смену традиционному и яфетическому языковедениям намечается третье, новое. Программа нового языковедения такова. Деятельная разработка общих проблем речи и языков по линиям нашего мирозерцания, без пригнетения со стороны каких-либо теорий, ничего общего с нашим мирозерцанием не имеющих. В то же время полное внимание к проблемам отдельных языков и их группировок, но непременно в аспекте общих линий движения речи и языков. Отношение нового языковедения к традиционному и яфетическому таковы. С традиционным языковедением, не смотря на учет его фактических достижений и его техники, — борьба, борьба за соответствующую нашему мирозерцанию общую теорию и за

проведение этой общей теории в работу по частным проблемам. С яфетическим языковедением, несмотря на признание его заслуг, — тоже борьба, борьба за правильную линию. Научных средств борьбы на оба фронта хватит.

Актуальные задачи языковедения

50. В области задач теоретического порядка надо выдвинуть задачу полноценной разработки общей теории. Частные проблемы придется отодвинуть на второй план. Само собою разумеется, что, поскольку изучение частных проблем нужно для обоснования положений общей теории или для выполнения задач практического порядка (о ко/34//35/торых ниже), изучение частных проблем должно быть сохранено.

51. В области задач практического порядка надо выдвинуть две. Первая задача — задача обеспечения с языковой стороны социалистического строительства среди национальностей Союза. К выполнению этой задачи уже приступило значительное число языковедов. Вторая задача выдвигается только сейчас. Общечеловеческий язык будущего может быть не только темой пророчеств, но и предметом исканий, так как он не столько создастся, сколько будет создан. Научно ориентироваться в перспективах строительства общечеловеческого языка уже пора.

На все вопросы, которые не затронуты в тезисах, может быть дан незамедлительный ответ.

Д. В. Бубрих

2 июля 1930

ⁱ Ян Вильмович Лоя (1896–1969) — лингвист, лексикограф, исследователь латышского (и латгальского) языков, автор учебников по общему языкознанию (1958, 1968) и истории лингвистических учений (1961, 1968). В 1930—1932 гг. входил в группу лингвистов «Языкофронт», критикующую «Новое учение о языке» Н. Я. Марра с позиций марксизма. Ср. Лоя Я. В. Грамматические этюды // Русский язык в советской школе. № 2–3. 1931. С. 38.

ⁱⁱ Н. Я. Марр. Яфетическая теория: Программа общего курса учения об языке / Восточный факультет Азербайджанского Гос. Университета им. В. И. Ленина, Баку: АзГИЗ, 1927 [обл. 1928].

ⁱⁱⁱ А. С. Чикобава [рец.] Н. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Материалы по яфетическому языкознанию, 12. Л., 1925. // *Mimomxilveli. Sakartvelos saistorio da saetnografiu sazogadoebis*

organo / Обозреватель. Орган Историко-этнографического Общества Грузии. 1. 1926. С. 285–330.

^{iv} Н. Я. Марр. По этапам развития яфетической теории, Сб. ст. Н. Я. Марра, М.; Л.: Изд. Ин-та, 1926. 387 стр., [Издания] / Науч.-исслед. ин-т этнич. и нац. культур народов Востока СССР (Москва); № 8.

^v Примеры в тексте пропущены, очевидно, из-за сложности набора диакритических значков.

Ср. греч. *ἔειν* ‘дождить’, IPl. ἔω (см. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Unter Leitung von Helmut Rix, Wiesbaden 2001, s. 545*).

^{vi} Возможно «Языкофронт» — см. сноску [iii].

^{vii} Шведский тюрколог и кавказовед, член коммунистической партии Ханс Шёльд (1886–1930) (См. В. М. Алпатов, *История одного мифа: Марр и марризм*. М., 2004). Скорее всего, имеется в виду работа Н. Scöld. *Zur Verwandtschaftslehre: die Kaukasische Mode*. Lund, 1929, содержащая критику теории Марра.